DOI: 10.17117/na.2016.07.02.141

Поступила (Received): 24.07.2016

<http://ucom.ru/doc/na.2016.07.02.141.pdf>**Литовченко К.Г.****Революционное насилие по Славою Жижеку****Litovchenko K.G.****Revolutionary violence by Slavoj Zizek**

Рассматривается место и роль насилия в революционном процессе в понимании словенского культуролога и социального философа фрейдомарксистского толка Славою Жижека. В статье показано, что согласно идеям данного мыслителя насилие является определяющим фактором для истинной освободительной революции

Ключевые слова: насилие, революция, революционное насилие, марксизм, С. Жижек

Литовченко Кирилл Геннадьевич

Студент

Киевский национальный университет им. Т. Шевченко

г. Киев, ул. Владимирская, 60

The place and the role of violence in the revolutionary process in the understanding of Slovene Freudo-Marxist cultural critic and social philosopher Slavoj Zizek. The article shows that according to the teachings of the philosopher violence is the determining factor for the authentic liberating revolution

Key words: violence, revolution, revolutionary violence, marxism, S. Zizek

Litovchenko Kirill Gennadievich

Student

Kyiv national university named T. Shevchenko

Kyiv, Vladimirskaia st., 60

Традиционно считается, что существует тесная взаимосвязь между такими феноменами как революции и насилие. Революции настолько тесно ассоциируются с актами насилия, что можно вести речь о определенной мутации этих феноменов друг в друга. Подтверждением этому может быть и революционная мировая практика, поскольку на пальцах одной руки можно пересчитать успешные попытки ненасильственных революций. Существуют разные взгляды касательно этого вопроса, однако марксистская политическая мысль является одним из наиболее ярких направлений, в котором насилию отводится важная, под час, ключевая роль в революционном процессе.

В целом в марксизме мы можем выделить три позиции, которые позволяют легитимизовать акты насилия, каждая из которых в соответствии с методом своего воплощения имеет свои последствия. Две из них касаются, соответственно, только целей и механизмов исторических изменений, и являются общими для марксистской традиции в целом: первая оправдывает насилие, второй позволяет его. Наиболее интересной является третья позиция, а именно роль пролетариата в формировании этических ценностей.

Данный пласт оставался в значительной степени неразработанным, пока ему не стали уделять более важную роль в марксистской мысли двадцатого

века. Данный компонент направлен на узаконивание подлинного революционного насилия, показывая, как это происходит в условиях формирования и роста пролетарского классового сознания. Если к первым трем позициям уместнее использовать такие термины как «оправдание» или «позволение», то именно в третьем случае мы ведем речь о «легитимности» революционного насилия.

Одним из наиболее видных мыслителей, который рассматривал проблему революционного насилия в данном ключе, является словенец Славой Жижек. Прежде чем перейти непосредственно к анализу революционного насилия, каким его представляет автор, следует охарактеризовать общие представления мыслителя о насилии.

Согласно представлениям Славоя Жижека, под насилием следует понимать не только лишь непосредственный прямого физического насилия, это феномен, который пронизывает всю плоскость социальных связей. Рассматривая насилие, автор в работе «О насилии» определяет три основных его вида – субъективное, объективное и символическое. К субъективному он относит прямое физическое насилие – (массовые убийства, террор). В случае субъективного насилия можно выделить конкретных субъектов насильственного действия. В этом качестве могут выступать любые социальные агенты – от конкретных индивидов («злых людей») до толпы и репрессивного аппарата. Этот вид насилия является наиболее очевидным и представляет собой «лишь наиболее видимую вершину треугольника» [1, с.5].

Второй вид – символическое насилие, воплощается в языке, речи, такие как, например, речи-ненависти.

Объективное, или системное насилие – менее очевидный феномен. Это анонимное насилие системы над индивидуумом, «нередко катастрофические последствия спокойной работы наших экономических и политических систем» [1, с.6]. С. Жижек под таким насилием подразумевает, прежде всего, капиталистическую систему. «Насилие капитализма, гораздо более жуткое, чем любое прямое докапиталистическое социально-идеологическое насилие: это насилие больше нельзя приписать конкретным людям и их «злым» намерениям; оно является чисто «объективным», системным, анонимным» [1, с. 15].

Далее рассмотрим непосредственно вопрос насилия и революции. Жижек в своих работах возрождает идею «искупительного насилия» [4, с. 259], используя Лакановское понятие «симптом». Целью работы «Революция у ворот» является поиск в марксистской практике двадцатого века работоспособного революционного момента, благодаря которому современные левые могут оживить часть энергии, утраченной в 1990-е годы. С этой целью, он возвращается к революционным решениям Ленина и пытается разграничить подлинные революционные импульсы от извращений сталинизма. В решении Ленина улучшить момент и действовать, чтобы свергнуть Временное правительство Керенского в октябре 1917 года, Жижек обнаруживает, то, что он считает одной из форм легитимации насилия, а именно истинное отношение с революционной субъектностью. Однако, его размышления относительно ленинского момента широко варьируются в разных культурных и литературных текстах, где он пытается разъяснить идею «искупительного насилия» для современных левых.

Жижек принимает в качестве своей отправной точки идею насилия, причиненного потерпевшим в отношении самого себя. В качестве примера подобного насилия автор использует известный кинофильм «Бойцовский клуб». В одной из сцен фильма, главный его герой Тайлер Дарден, нападает сам на себя перед своим работодателем в офисе, вне поля зрения кого-либо другого [4, с. 252]. С точки зрения достижения «революционной субъектности», движение персонажа является прогрессивным, поскольку он преодолевает, то, что Жижек называет «либидинальным» вкладом в отношение господства. Эффективность господства эксплуататора основана на мазохистском желании субъекта быть управляемым. Атакуя самого себя, Тайлер угнетает себя до той точки, где его либидинальная, мазохистская привязанность нарушается: он яростно доминирует относительно себя, что лишает его потребности в повелителе. Субъект таким образом «пролетаризируется», унижая себя до той точки, где он осознает, что повелитель не может сделать хуже. Таким образом, хозяин становится не нужным, поскольку то насилие, которое он осуществляет, выполняя свою роль, становится бессильным.

Логика действий Тайлера показывает, то, что по мнению Жижека «в конечном счете, стоит на кону в революционном насилии», а именно «превращение угнетенной жертвы в активного агента, описанное известным высказыванием Маркса о том, что освобождение пролетариата может быть только актом самого пролетариата» [4, с. 255]. Как пролетариат может быть доведен до точки истинного революционного действия? Жижек, подобно Хайдеггеру, различает замещающую заботу и антиципирующую. При вмешательстве с целью «помочь» субъекту, не хватает подлинной «заботы» о потребностях субъекта, поскольку заботящийся сам учится ухаживать за собой; заботливость в таком случае осуществляется как потенциальная форма самоутверждения и даже может служить в качестве предотвращения обучения и освобождения. Это аналогично «социальному миру», раскритикованному Сорелем [2], который предлагали пролетариату парламентские социалисты: обещая краткосрочное, частичное облегчение, он отнимает средства, с помощью которого может быть достигнуто в конечном итоге истинное освобождение, т.е. насильственный импульс бунтовать. Антиципирующая заботливость напротив, является той, которая помогает угнетенным помочь самим себе и достичь подлинного освобождения.

Как достичь этого? Жижек полагает необходимой радикализацию полярности, следовательно, необходимо насилие: насилие со стороны обидчика, как это ни парадоксально, лучше, чем благотворительность, потому что он открыто позиционирует себя и заставляет угнетенных противостоять себе в соответствии с их реальным положением; также позитивно и насилие угнетенных в сторону государства, потому что это провоцирует конфронтацию. В целом, оба вида насилия вносят свой вклад в достижение революционной субъектности, то есть отношения, которое ведет к истинному освобождению. В противоположность этому, альтруистические действия властвующих, такие как благотворительность, «помощь», или социальное обеспечение, как правило, усиливают доминирование за счет уменьшения полярного напряжения, увеличивая зависимость, и, таким образом, уменьшая импульс к истинной свободе.

Жижек пытается определить форму субъектности, с помощью которой истинное революционное насилие может противостоять неподлинному, чрезмерному и неправомерному насилию со стороны государства (что выходит за рамки ограниченных шагов Тайлера в Бойцовском клубе). В этом вопросе, он идет следом за Ж. Сорелем и В. Беньямином [3], которые пытались представить себе такую форму революционного насилия, которая бы разрушила тенденцию, согласно которой каждый новый порядок порождает новую форму силового доминирования. Опасности в этом случае состоят в том, что с одной стороны насилие может стать обобщенным и бесцельным, то есть «детерриториализированным». А с другой стороны оно может стать «ретерриториализированным», то есть стать фундаментом нового, фашистского, насильственного порядка. Таким образом, необходим некий «срединный путь». Жижек придерживается мнения, что не существует какого-то «продвинутого» критерия, будь то успех, либо некий «абстрактно-универсальный» [4, с. 259]. Взамен, он пытается различить между собой «ложные» вспышки насилия от «подлинного революционного прорыва». И, по мнению Жижека, единственным критерием, способным различить подлинное революционное насилие от недостоверного, является «воплощенная в жизнь утопия» [4, с. 260]. Поскольку революция для Жижека является не лишением ради счастливого будущего, а счастьем само по себе, ведь она дает возможность бороться за свою свободу и за свое счастье, не обращая внимания на трудности.

В качестве иллюстрации, Жижек противопоставляет реконструкцию штурма Зимнего дворца в Петрограде в 1920 году (реальными участниками, которые в то время также участвовали в гражданской войне, только за пределами города) и парады Первомая, указывая на разницу между ленинизмом и сталинизмом. «Если нам нужно доказательство того, что ленинизм функционировал совершенно по-другому», он спрашивает, «разве не такие представления являются высшим доказательством того, что Октябрьская революция была определена не просто государственным переворотом небольшой группы большевиков, а событием, которое развязало огромный освободительный потенциал?» [4, с. 260].

Следовательно, можно сказать, что спонтанность массового революционного движения, в особенности его насильственное выражение, является признаком его собственной подлинности. Подчеркнуто повторяя слова Робеспьера, Жижек пишет, что критиковать такое насилие (даже террор ленинизма, хотя и может быть, не сталинизма) выдает «благочестивое желание» иметь «революцию без революции». Спонтанное, освободительное насилие, по-видимому, является определяющим для подлинно освободительной революции. И при отсутствии каких-либо независимых критериев, признание его легитимности должно опираться на наше доверие в добрую волю самих революционеров.

Таким образом, Жижек следует третьей позиции марксизма, о которой мы говорили вначале, пожалуй, самым решительным образом, заявляя, что подлинность революционного сознания можно понять только изнутри самой революционной субъектности. Ни один критерий, который оторван от самой революционной ситуации, не может быть представлен тем, кто не принимает участие в

«воплощенной в жизнь утопии» антиавторитарного насилия. Таким образом, насилие утверждается в контексте спонтанного революционного сознания, создает свои собственные ценности, действия и ограничения, и нет никакой другой точки зрения, которая может накладывать ограничения на него.

Список используемых источников:

1. Жижек С. О насилии. М.: Изд-во «Европа», 2010. 184 с.
2. Сорель Ж. Размышления о насилии. М.: Фаланстер, 2013. 293 с.
3. Benjamin W. *Critique of Violence. Selected Writings. Volume 1, 1913-1926.* Cambridge (Ma): Harvard University Press, 1996. 528 p.
4. Žižek S. *Revolution at the Gates: Žižek on Lenin, the 1917 Writings.* London: Verso, 2008. 352 p.

© 2016, Литовченко К.Г.

Революционное насилие по Славою Жижеку

© 2016, Litovchenko K.G.

Revolutionary violence by Slavoj Žizek